

Евгений Татарский

Наперстки
с бананами

16+

Евгений Татарский

Наперегонки с бананами.
Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Татарский Е. Н.

Наперегонки с бананами. Сборник рассказов / Е. Н. Татарский —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Герои этих невыдуманных историй обычные российские врачи, браконьеры, военкомы, работяги, студенты, и неверные супруги...В общем, держитесь. И не принимайте все это слишком близко к сердцу, ибо Россия еще полна сюрпризов...

Содержание

«Наперегонки с бананами»	6
Любовь к бабкам	7
Рыболовы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иллюстрация обложки создана специально для данной книги в 2016 году, права полностью принадлежат автору, то есть мне.

Евгений Татарский

«Наперегонки с бананами»

Сборник невыдуманных историй о неугомонных русских людях...

Любовь к бабкам

Любовь... любовь...

Вообще, слово Любовь незаслуженно замусоленное. Нет, бесспорно, это прекрасное высокое чувство и отождествление его со Всевышним понятно и естественно. Но не стоит же его лепить ко всякому непотребству направо и налево. Например, как вообще можно говорить что-нибудь вроде "он любит деньги" или "она любит сало"?! Где Бог, а где сало? И тем более деньги!

Хотеть, предпочитать, увлекаться... да мало ли терминов? Или нуждаться, например. Ведь куда гармоничнее звучит "он нуждается в деньгах" чем "он боготворит деньги". Ну да ладно, сей сказ в общем-то не об этом. Итак.

Жила была бабулька. Очень ценная бабулька. И очень-очень старенькая.

Вообще, жизнь у нее выдалась тяжелая, и в молодости она даже побывала узницей одного из эсэсовских концлагерей. Но слава Богу (хоть и принято говорить "слава товарищу Сталину"), их лагерь освободила Красная Армия, которая, как известно, всех сильнее, и жизнь она прожила счастливую и долгую. Пока не умерла.

"Но чем же бабушка была ценная?", – спросите вы. А я отвечу. Тем, что бывшая узница нацистских лагерей получала очень даже неплохую пенсию. Что весьма радовало ее потомков.

Так-так-так, сразу прошу вас не торопиться обвинять меня в циничности и прочей там мизантропии, только-только дочитав до этого места, а приберечь свои гневные эпитеты до конца очерка. Вот там они вам могут действительно понадобиться. Если, конечно, еще кого-то может оскорбить в лучших чувствах заявление, что есть такие экземпляры людей разумных, для которых их престарелые родители представляют ценность лишь как источник ежемесячного дохода.

В первую очередь, естественно, этот тезис справедлив для хронических люб... почитателей огненной воды, которые допились уже до того, что работать не могут. А пить им на что-то же надо! Ну, или не хотят работать, потому как пенсии родителей им вполне хватает для удовлетворения их самых низменных потребностей. А что? Удобно. Старичкам-то пенсионерам по сути много ли надо? Горсть таблеток и покушать чего-нибудь не экзотического. А пенсия-то капает стабильно раз в месяц. На прокорм-пропой их еще молодым потомкам. Что ж, что посеешь, как известно, то и пожнешь. Так что, подумайте сто раз прежде чем баловать своих отпрысков, пойдет ли им это на пользу, или только вам на утеху. И таковых несчастных, кто доживает свои деньки и только фактом своей пока еще жизнедеятельности спонсирует своих взрослых детей, к сожалению, немало.

Но вернемся к нашей бабульке, которую в том семействе очень ценили и берегли. Любили-не любили, уж не знаю, но нуждались в ней, это точно. И вполне социальная семья у них была. И вроде бы все работали. Но от повышенной пенсии бывшей узницы тоже никто добровольно отказываться не хотел. И, когда бабушка заболела, ее тотчас же привезли в больницу и сдали докторам на спасение.

В итоге у нее оказалась острая хирургическая патология и один чрезвычайно опытный врач блестяще провел операцию и вытянул старушку с того света, где хорошо, обратно на этот, где платят пенсии.

Родственники, конечно, обрадовались, что все закончилось благополучно и, сердечно поблагодарив доктора словами "спасибо вам большо-о-ое" отчалили домой. А что им делать в больнице, если теперь понятно, что бабулька не околеваает? Не сидеть же с ней, ясное дело.

А доктор ее выхаживал после операции. Работа такая. А родственники ее навещали. Тоже миссия. И в результате проведенного лечения доктор ее выписал из стационара с вердиктом "выздоровление". Родственники еще раз сказали ему "спасибо" и утащили бабушку домой.

Если кто-то еще не понял, что во всей этой ситуации было несколько обидно врачу, так это то, что его труд остался без материального поощрения. Про оклады врачей в России слышали? Ну, это те нищенские пособия, которые государство ежемесячно докторам выдает, чтобы те с голоду не передохли. Наверняка слышали... А про то, что врачи, вытягивая больных, и даже просто оказывая посильную помощь, все-таки где-то в глубине своей души надеются на материальную благодарность от тех, кому они помогли, слышали? Тоже, конечно, слышали. Все вы знаете...

И что благодарность эта периодически таки бывает, знаете. В основном, правда, в виде плиток шоколада или бутылок с недорогим коньяком. Хотя, случается, что и купюру какую в карман халата сунут. Это не считая тех больниц (в основном столичных и областных), где взимание платы за труд поставлено на поток при попустительстве администрации.

А в большинстве случаев, и в основной массе больниц, это все же больше исключение, чем правило, и люди в белых халатах копаются в кишках и мозгах, исследуют мочу и мокроту, вливают кровь и выпускают гной, каждый день рискуя подцепить какую-нибудь заразу, за... копейки, "большое спасибо, доктор", а частенько и жалобы главврачу от особенно отмороженных пациентов. Вроде бы как врачи всем должны... Но!

Но. Как показывает практика – не каждый врачебный труд так наплевательски воспринимается больными и их родственниками...

Итак. Родственнички бабушку уволокли домой жить дальше и на календарик все поглядывают, где-то заветное число месяца, когда бывшим узникам денежки выдают. А доктор остался в больнице и вскоре позабыл эту свою пациентку как одну из сотен и сотен...

Но, проходит какое-то время, и бабушка вдруг помирает. От инфаркта. Ну, казалось бы, померла и померла. С кем не бывает? Но, вот ведь незадача, померла она незадолго до очередной пенсии, буквально дней десять не дотянула.

Что ей, разве сложно было подождать? Но нет. Закатила глазки и ушла к предкам, эгоистично так забыв про то, что пенсия уже не за горами. Оставив, так сказать, родню с носом. Мало того, что пенсия накрылась медным тазом, так еще и траты незапланированные на похороны нарисовались. Вообще подстава.

Вот тогда-то ее родня, не успела еще бабушка остыть до комнатной температуры, и вспомнила, что есть, оказывается, такие люди, которые в человеках разбираются. Примчались они, короче говоря, в больницу, и нашли того доктора, который их кормилицу престарелую не так давно с того света вытянул. И пали перед ним в ноженьки, мол, помоги, мил человек, в беде нашей лихой. Отблагодарим!

Последнее слово доктора не на шутку заинтриговало, и он поинтересовался что им, болезным, от него надобно. И в самом деле – когда люди сначала обещают отблагодарить деньгами, а потом мнутя озвучить свою просьбу... это интересно, не правда ли? Ну, делегация от усопшей бабульки по сторонам осмотрелась, и шепнула на ухо эскулапу, что, дескать, старушенция поторопилась немного, на недельку-полторы, а так все хорошо.

Вот тут-то для него все на свои места и стало. Понял тогда опытный доктор что так печалит родню остывающей бывшей узницы. И даже вспомнил, о ком речь идет. Ну, и согласился помочь. Только... С предоплатой. А то вдруг потом снова "спасибо" скажут и этим ограничатся. Нет уж, дважды на одни и те же грабли наступают лишь полные придурки вроде Януковича, а нормальные люди умеют ситуации анализировать.

Родня, что характерно, была согласна на все. И заплатили вперед, причем, столько, что доктор чуть сам остывать не начал от воодушевления. И такси подогнали. И отвезли прямо

из больницы к "пациентке". И всеми необходимыми ингредиентами, и инструментами обеспечили.

И начал доктор над бабушкой колдовать...

Не-е, я вам не скажу что именно он с ней делал, а то мало ли...

Лучше я в этом месте сделаю очередное отступление и задамсь вопросом отчего все-таки деньги называются "бабками". Уж не оттого ли, что старушечьи-бабки для кого-то являются ценностью, свободно конвертируемой в пенсию? Может для кого-то и так, конечно. Но вообще, принято считать, что на крупных дореволюционных банкнотах было изображение пожилой Екатерины II Великой, которая доводилась "бабкой" таким императорам Российской Империи, как Александр I и Николай I. И эти два оболтуса так свою великую прародительницу и называли "наша бабка Екатерина". А в подражание им "бабкой" Екатерину II стали называть и прочие современники. В том числе и жулики. В том числе и взломщики сейфов, то есть медвежатники. Вот так термин "бабки", то есть крупные деньги, и попал в употребление люда, который мы привыкли называть "блатным". И уже оттуда, с приходом перестройки и выходом криминалитета под свет софитов, слово это перекочевало в наш общеупотребительный лексикон.

Но довольно. Немного отвлек ваше внимание и хватит. Давайте вернемся к нашему доктору и бабке, родня которой так желала получить еще хотя бы одну ее пенсию. Итак, врач ее забальзамировал. Замедлил, скажем так, процессы разложения.

Нет, не формалином. И нет, не спиртом. Ведь суть всего мероприятия сводилась не к тому, чтобы просто законсервировать бабку аки музейный экспонат, а к обману тех, кто потом официально прибудет освидетельствовать смерть.

И в результате все прошло гладенько как по лубриканту. Доктор остался доволен гонораром, превзошедшим все его скромные белохалатные чаяния. Семейство, сколько ни принохивалось, признаков распада своей кормилицы за все эти дни так и не учуяло. Да и люди государственного фонда денежку на банковскую карточку перечислили вовремя. Сошелся пасьянстик, короче говоря, наилучшим образом.

И уже сняв денежки подчистую, семейка та быстро переделалась в черные одежды и набрала номер станции скорой медицинской помощи. И в трубочку так жа-а-алостливо пролепетала, что, дескать, бабушка у них старенькая есть, и она это... ну... вроде бы как... не дышит...

А дальше уже все просто. Приехала карета скорой медицинской помощи. Небыстро так приехала, как и положено в подобных случаях.

Доктор и фельдшер, войдя в спальню-мавзолей, посмотрели на труп и оценили его как мертвое тело. Измерили для виду давление. Оказалось что давления нет, что только подтвердило их первоначальный диагноз. Пульса они тоже не нащупали. И на закуску, чтобы уж точно развеять всяческие сомнения, растянули бабке веки в стороны, и посветили в глаза фонариком. И ее зрачки, само собой разумеется, на свет не отреагировали.

И вот тогда приехавшая бригада вздохнула с облегчением. Еще бы! Труп это и есть труп, его нужно только засвидетельствовать. А вот если бы этот труп подавал еще хоть какие-нибудь признаки жизни, им пришлось бы его качать тридцать минут. И параллельно дышать рот ко рту. И на родственников поглядывать, как они реагируют на безрезультатность реанимационных мероприятий. А так...

...Засвидетельствовано состояние смерти... время... фамилия врача... подпись...

Короче говоря, быстро-быстро все формальности были соблюдены и дата кончины зафиксирована так как нужно. Вызван наряд милиции, что тоже полагается в подобных случаях, которые также принялись заполнять кучу бумаг, не обращая особого внимания на "виновницу" всей этой суеты.

А дальше были морг, вскрытие, протокол. Но и даже там подлога никто не заметил, и замаринованную старушку восприняли как свежачок. Похоронили ее, само собой разумеется,

на третий день после официальной даты смерти, как и положено по христианским порядкам, что пришлось в аккурат на тринадцатый день после отлета души.

Всё. Нарру end! Все довольны, все счастливы.

А как вы думаете – это единичный случай?

Литр пауков

Русского человека можно много в чем упрекнуть и обвинить. Например в том, что русские, якобы, лаптями щи хлебают, затем этими же лаптями по карте меряют свои просторы бескрайние, которые больше, чем половина всего Африканского континента. В том, что этот народ непутевый владеет несметными природными богатствами, о которых другие народы и не мечтают даже. В том, что без царя-батюшки на престоле народ этот и не народ вовсе, а лишь сборище оборванцев и самозванцев, сами не знающих, какую непредсказуемую штуку выкинут в следующую минуту. Да мало ли еще в чем. Русские же. Но вот в отсутствии смекалки русского человека не смогут упрекнуть даже самые лютые русофобы.

Потому как в тех условиях, которые веками складывались на Руси, без смекалки русские давно бы уже вымерли аки мамонты, к переменчивым окружающим условиям вовремя не приспособившиеся. Что бы ни случилось, русский человек всегда найдет выход из ситуации. Зачастую неправильный, правда. Но он его найдет!

Не отстают от взрослых и дети, иной раз даже более предприимчивые и умеющие хотеть чего-то ну-очень-очень сильно. А уж если речь идет о детях, чьи самые беззаботные годы пришлись на очередные социальные потрясения в стране – например, перестройку и развал СССР – да еще после стольких лет безденежья у родителей и тотального дефицита в магазинах, вдруг в ларек возле дома привезли турецкие конфеты и печенье с сахарной крошкой, то жди беды...

В то лето пункты приема стеклотары, макулатуры и металлолома работали с утра до вечера и практически без выходных. Дети тащили все, что только находили, получали за это несколько помятых купюр и тут же бежали в ларек тратить кровные на сладости. В ход шли стопки пыльных журналов, вытащенных из-под диванов, разломанные раскладушки и, конечно, бутылки. Особенно бутылки! Их сдавали особенно много, потому как и безо всяких социальных потрясений на Руси любят мед-пиво-пить. Есть грешок, чего уж там.

И у кого из детишек родители были особенно большими почитателями огненной воды, так те были самыми богатыми и, соответственно, могли покупать себе сладостей больше остальных. Если, конечно, сами родители эти бутылки не сдавали, дабы насобирать еще на одну. Взрослые ведь тоже смекалистые, хоть и непутевые.

В поисках чего бы еще сдать, ребятишки забирались даже в захламленные сараи и летние кухни, на которые сами взрослые уже давно махнули рукой. И, сколько же было радости, когда во время таких вылазок где-нибудь под изъеденным молью ковром или в недрах давно выцветшего и ушедшего на покой шкафа, обнаруживалась вдруг забытая всеми пыльная бутылка! Пусть и с какой-нибудь мутной жидкостью на дне, не важно, ее можно отмыть, главное, чтобы была не треснутая. Бежал тогда такой мальчонка в пункт приема стеклотары, оглашая улицу триумфальным позвякиванием бутылок в пакетике. Детство!

Но все когда-нибудь заканчивается, закончились и бутылки в закромах, и подшивки газет, и даже заборы кое-где, разобранные на металлический лом. А жевательные резинки с фантиками и шоколадные батончики заморские как продавались в ларьке, так и продаются. Вон они, разноцветные и хрустящие, на витрине лежат. И ждут, кто же их купит. Что делать?

Прокатился тогда среди ребят слухок, будто принимают аптеки для нужд медицинских дары природы. И будто платят за столь благородное дело совсем неплохо. Тут же рассеялись детишки по кустам да по посадкам, стали обносить подчистую цветы софоры, плоды боярышника и ромашковые поляны. Хуже всего пришлось боярышнику. Кто-то где-то слышал, будто кору тоже принимают, и стали ее обдирать нещадно, и целыми лоскутами в пакеты складывать. Опустел двор, все собирательством вдруг занялись.

Остались сидеть на лавочке два парнишки. Как ни хотелось полакомиться турецким печеньем, все же собирать цветочки казалось им делом малоинтересным и уж очень нудным. И принесет ли это доход, еще было неизвестно, так как никто из их знакомых с дарами природы в аптеку не ездил и сдавать не пробовал, все еще только собирали. Аптеки в поселке не было, ближайшая располагалась в городе, до которого еще нужно доехать на маршрутке, тоже не бесплатно. Поэтому узнать, на самом ли деле здравоохранение так уж нуждается в их помощи, на тот момент было никак нельзя.

Сидят, грустные, смекают. А сладкого-то ведь хочется. И тут один из них вдруг вспоминает, что слышал он, будто аптеки помимо лечебной флоры теперь принимают еще и фауну. В частности тарантулов. Медицина не стоит на месте, как-никак.

Приздумались ребяташки. Идея показалась им заманчивой, привлекательной со всех сторон. Вон, сколько этих мохнатых беспозвоночных вокруг шныряет, лови – не хочу. Степь все-таки. Единственное, что их смущало, это вопрос принимают ли тарантулов именно в их городской аптеке. Что, если не принимают, и такой ценный товар пропадет зря? Обидно будет.

Хотя, решили они, если их даже и не купят, этих же тарантулов можно будет все-равно использовать. Например, устроить между ними гладиаторские бои. Призабавнейшая вещь, нужно сказать. Берешь паука, драконишь его так, чтобы ему небо с овчинку показалось, и выпускаешь на второго, такого же раздраченного. И пускай победит сильнейший!

Но, все равно, лучше чтобы их купили в аптеке, что уж тут и говорить. Жаль, в ларьке их точно не примут, не обменяют даже на самую крошачую жвачку, даже по самому невыгодному курсу. Жаль.

Технология же поимки тарантулов была опробована ими уже давно, просто так, забавы ради. Делается это довольно просто, освоить может любой желающий. Для этого нужен кусочек твердого пластилина и веревочка. Один конец веревки утапливается в пластилине, которому придают каплевидную форму. Размер этой обманки должен быть немного меньше, чем диаметр норки паука. И все, оружие готово, берегитесь мохнатые.

На том и порешили. Один из ребят отправился за инвентарем для ловли, второй же побегал домой за тарой, в которую они будут складывать свою добычу. Как известно, тарантулы отличаются своей способностью очень хорошо прыгать, поэтому емкость должна быть обязательно с крышкой. И повместительней, чтобы их туда побольше напихать. Порыскав по шкафам, ничего более подходящего, чем мамин литровый бидон для сбора ягод он не нашел, поэтому взял его.

И началась охота. Рыская по всей округе, они выявляли норку за норкой и вытаскивали из них хозяев. Раз за разом пластилиновый шарик опускался на веревочке в темные недра обители паука, несколько раз приподнимался и опускался там, имитируя копошащееся насекомое, по недомыслию свалившееся в гиблую дыру, и затем уверенным движением вынимался на свет. В большинстве случаев норы были обитаемы, и на шарике висел свирепый паук, растопыривший в стороны свои малоприятные конечности. Объект вытряхивался в бидончик и над ним захлопывалась крышка. Все. Следующий.

И так споро, так весело пошла работа, такие многообещающие перспективы маячили на горизонте, что ребята не заметили, как набили полный бидон этой нечисти. Наконец, наступил момент, когда, стряхивая очередного тарантула, им приходилось заново ловить двух-трех наглым образом выпрыгнувших из приоткрытого бидона узников, и тоже запихивать их обратно. Поэтому они решили на сегодня остановиться и побыстрее продать улов, пока пауки в бидончике друг друга не перелопатили.

Были, конечно, сомнения, хватит ли им на двоих всего одного литра тарантулов. Ведь кто их, пауков, знает, в чем они там измеряются по системе СИ? В штуках? В граммах? В литрах? В квадратных сантиметрах? Да и что с ними потом делают в аптеке? Настаивают на спирту?

Центрифугируют? Размельчают и используют как присыпку? Или сцеживают из них яд каким-то образом, из многоцветных?

В любом случае, это была уже не их забота, а аптекарей. Им же было главное, чтобы пауков у них в городе все-таки купили и чтобы одного литра не оказалось слишком мало.

Насобирав по закромам на билеты до города, с полным эмалированным бидоном пауков, они подошли к остановке и принялись ждать транспорт. Ходили маршрутки не часто, поэтому ждать пришлось долго, и на остановке собралась целая толпа жаждущих уехать. Пауки безостановочно возились в своей переносной камере, и оставалось лишь гадать, что они там делают.

Наконец, транспорт пришел, и весь ожидавший люд заполнил душный, прожаренный степным солнцем салон. От духоты не спасал даже приоткрытый люк, в который при движении врывалась струя горячего воздуха. Но двоим пауколовам сейчас все было нипочем. Они представляли себе, как придут в аптеку, как грохнут об прилавок полный бидончик ценнейших тарантулов и как заберут свои честно заработанные деньги.

С каждой минутой пауки отъезжали все дальше от своих норок, а их похитители были все ближе и ближе к своей цели. Автобус шел своим маршрутом, на остановках входили и выходили пассажиры, а ребята с бидончиком, уступив сидячие места старшему поколению, стояли в проходе между сидениями и, попеременно держа свою ценную ношу, уже вовсю планировали, как будут тратить гешефт.

Вдруг на очередном крутом повороте автобус наскочил передним колесом на кусок непонятно откуда взявшегося кирпича, транспорт крепко тряхнуло, и бидон выскользнул у них из рук. Несколько раз перевернувшись в воздухе, бидончик для ягод грохнулся под ноги стоящим пассажирам и с него слетела крышка...

Вконец ошалевшие от всего происходящего прыгучие пауки, почувствовав, что вон он, их шанс на спасение, разом вывалили из места лишения свободы и бросились врассыпную кто куда.

Вот тут-то и началась в салоне маршрутки знойная зажигательная итальянская тарантелла! Мигом вокруг бидончика, из которого все продолжали выползать тарантулы, образовалась пустота, словно всех людей вдруг смело взрывной волной. Центр маршрутки опустел, хотя до этого момента казалось, будто в салоне уже и яблоку негде упасть. Ан нет, нашлись таки резервы в нужный момент. И силы нашлись у всех не только метаться и стряхивать с себя мохнатых, но и лезть повыше...

И все это в полнейшей тишине! Удивительно, но никто из пассажиров в эти мгновения не проронил ни единого звука.

Вообще никто! И все это на полной скорости.

Лишь спустя несколько секунд – все в той же зловещей тишине, хотя как фон тут намного гармоничнее были бы трехэтажные боцманские маты – водитель наконец увидел в зеркальце заднего вида, что в салоне происходит что-то не то... Что-то очень-очень не то!

Не разбираясь что случилось, он резко затормозил и открыл двери. И вся орава, пляшущая тарантеллу, мигом вымелась наружу и разбежалась по округе. Вот тут уже с визгами и грязными комментариями относительно качества перевозок на данном маршруте.

Впереди всех бежали два незадачливых предпринимателя. Они неслись во весь дух по полю, стараясь как можно быстрее скрыться с места происшествия. Эти два биологических террориста спасались бегством не столько от тарантулов, сколько от пассажиров и, в первую очередь, конечно, от водителя. Потому как понимали, что замешкайся кто-нибудь из них, им бы тогда точно, как говаривал еще Солженицын, сто редек в рот бы засунули.

А водитель в это время метался по салону в тщетных попытках изгнать или передавить пауков, которые все лезли и лезли из катающегося у него под ногами бидончика для ягод...

С тех пор прошли годы. Эти дети выросли и уже сами стали родителями. Теперь уже от них зависит, есть ли в жизни их малышей те маленькие детские радости, которых им самим когда-то так не хватало. И, помня, насколько это важно для ребенка, хотя сами далеко не богаты, они буквально заваливают своих детишек сладостями, игрушками и новой красивой одеждой.

Но их дети, никогда не знавшие, что такое тотальный дефицит, относятся к этому как к должному и просто не могут оценить по достоинству всей важности, всей значимости этого изобилия...

Рыболовы

Над селом с прозаическим названием Солдатское медленно плыло в небесной синеве яркое, но уже не жгучее солнце. От центральной усадьбы (в которой уже много лет как жили одни только тараканы-киноманы, до смерти преданные наиважнейшему из искусств), расходилось паутинкой несколько улочек, вдоль которых примостились домики сельских жителей с их огородами. Невдалеке уныло смотрело на мир серыми глазами-окнами здание школы, а еще через два дома – избушка сельской амбулатории, где коротал свои деньки молодой, только после института, доктор Олег Валентинович.

Вокруг села, куда ни глянь раскинулись бескрайние поля (местами заброшенные, естественно), на которых селюки выращивали свои нехитрые растения вроде капусты или картохи. Хитрые же растения, как и положено, выращивались в палисадниках, да так, чтобы с дороги видно не было. Дружба дружбой, как известно, а конопля врозь. Жизнь она такая.

Посреди полей, то там, то тут торчали стога сена и бродили коровы. У кого-то во дворе брехали собаки, кто-то топил баньку, а кто-то гнал самогон. В общем, в Солдатском царили тишь да благодать. Мирная сельская идиллия как она есть.

Да, но идиллия-то есть, а вот ни развития, ни развлечений-то в селе нет. Ну, почти что нет. Водка и строгание детишек не в счет. Есть, конечно, сельский кинотеатр (тот, что в центральной усадьбе был открыт еще строителями социализма), но по распоряжению администрации он начинал работать, только если одновременно появлялось как минимум пятеро желающих посмотреть кино. И тараканы не в счет. Так что, если уж откровенно, то отворяло свои ворота сие культмассовое заведение не часто. Очень не часто. Даже не каждое воскресенье.

Вот и куда податься жаждущему культурного обогащения человеку в таком месте? Вот куда? Правильный ответ – в город. И это единственно правильный ответ. Туда, где жизнь бьет ключом. То по лбу бьет, то по карману, а то и по паспорту. Но, все же бьет, а не убаюкивает, все же захватывает тебя в свой мир и, наглядно демонстрируя различные яркие примеры, дает возможность выбора.

Ладно еще, если человек родился в глуши, и с молоком матери впитал такие ингредиенты как запах навоза, позвякивание пыльных банок в погребе, клозет на улице и мычание коров. Тогда хоть как-то можно понять его желание почивать в селе. Привычка, знаете ли, страшная вещь. Ведь и в самом деле находятся такие молодые люди, кто, не имея других моделей перед глазами, никогда не пробовав жить хоть как-то иначе, банально боясь перемен, опустив глаза, хвалят свое болото. И планируют в будущем быть похороненным на местном кладбище. Да еще и живут без каких-либо душевных метаний. Что ж, каждому свое. В конце концов, так проще, наверное. Да и не всем же давать свое имя университетам и городам.

Но если ты приехал из города, если привык, что жизнь куда-то движется, если ты хочешь стать в этой жизни кем-то, развить свой потенциал, то в селе у тебя есть два пути – или спивайся или беги из него к чертовой бабушке пока еще не поздно.

А Олегу Валентиновичу вот сбежать было никак нельзя, ибо он был прикован к своей сельской амбулатории на три года согласно договору. Сам подписывал, винить некого. Но, не имея возможности уехать из села раньше времени и, в то же время, не горя желанием здесь спиться, он, как говорил великий Ленин, пошел другим путем. Не испытывая тяги и потребности убивать время, копошась в земле, он нашел спасение из затягивающей мозг трясины в книгах. Он читал все подряд, читал помногу, и это его хоть как-то уберегало от медленного погружения в апатичный парабиз. Но дни до окончания своего пребывания в селе он считать все же не забывал...

Вот и в этот день он лежал на кровати и читал книжку.

Ничто не предвещало беды.

Но тут в гости к сельскому доктору Валентиновичу взял да и заглянул учитель сельской же школы, военрук, и просто хороший человек, Петрович. И зашел он не просто выпить-закусить, как бывало, а по делу, причем, весьма мужскому и деликатному.

Короче говоря, позвал он доктора с собой на рыбалку, мол, вдвоем рыбку таскать куда интереснее.

Ну, доктор, ни разу до этого подобным не забавлявшийся, возьми да и согласишься. А что? Все же хоть какая-то встряска. Денек был погожий, осенний. Затянувшийся до неприличия дождик, ливший уже невесть сколько, вчера, наконец, угомонился, и теперь на небе вновь сияло теплое сентябрьское солнце. Грех, короче говоря, в такой-то денек дома сидеть. Тем более что воскресенье. Но, согласиться-то он согласился, дурное дело не хитрое, а вот где снасти рыболовные взять? Не из капельниц же их мастерить, в самом-то деле. Это же не чертики и не рыбки даже. Удочки, они, знаете ли, прибор еще тот, их из чего попало не сварганишь, рыбы тоже не дураки.

Но школьный военрук заверил напарника, что, дескать, инвентарь у него имеется, так что за этим вопрос не станет. Главное, почмокал он губами, чтобы доктор с собой ведро взял для рыбы, да побольше, потому что клев сегодня, судя по всему, будет что надо (тут военрук скривил правую половину своей физиономии, вроде как заговорщически подмигнул). Вот тут-то доктору и заподозрить бы неладное, призадуматься. Но он, со всей широтой своей загадочной русской души, помноженной на жизненную неопытность, прошляпил этот момент. И, выбрав ведро посolidнее, радуясь что в жизни наметилось хоть какое-то разнообразие, Валентинович влез в самые свои вездеходные сапоги и вышел вслед за военруком на улицу.

– Ну, а где удочки? – поинтересовался он, видя, что военрук уже при полном параде (кепка, комбез и сапоги до самого колокольчика), но при этом всего с одним обвисшим рюкзаком за спиной и без ручной ноши.

– Чем ловить-то будем?

– Удочки, удочки, – пробормотал учитель военного дела и осторожно так погладил свой рюкзак, – все, что нам нужно – здесь. Не бойсь, доктор, Бог не выдаст, свинья не съест. Потопали.

Ну, и потопали они. Почвакали, вернее. Потому что лившие накануне дожди размягчили почву настолько, что превратили ее в нечто, что иначе как грязюкожижей и не назвать-то никак. Да, кстати, чвакали они не где-нибудь там, а по дороге. Вот так! По самой настоящей дороге, по которой летом и зимой можно проехать на тракторе, а весной и осенью как повезет. Понятное дело, что, исходя из особенностей местности, до пункта назначения решили они добираться пешком, благоразумно оставив машину скучать в гараже.

Целью же их, как поведал военрук, было небольшое круглое озерцо, метров тридцать в диаметре, не больше. И располагалось оно в аккурат между двух сел, питаясь притоком одной невнятной речушки. Но, несмотря на свое стратегически выгодное положение, озерцо это, хотя тихое и уютненько поросшее камышами, почему-то было не самым популярным местом отдыха и промысла среди туристов и рыболовов. Да и троп натоптаных к нему не имелось. Уж и не знаю почему. Может быть, конечно, потому что в нем рыбы отродясь не было. Хотя возможны, конечно, и другие причины.

Но школьный военрук, сам в рыбной ловле разбирающийся примерно так же как и его напарник (то есть, никак), но уверенный что начинать никогда не поздно, решительно чвакал, не без усилия вытаскивая ноги из липкой коричневой жижи, в сторону намеченного им места промысла. Сидеть, как делают все местные мужики, с удочкой на берегу речки, он не имел ни малейшего желания, а рыбы жаждал много и сразу. Тем более что, как он был убежден, новичкам должно повести.

Доктор же, уже не столь окрыленный идеей половить рыбку каким был дома, помахивая ведром, чвакал рядом. Окрыленность же его сникла сразу, как только военрук поделился с ним своей задумкой, но поворачивать обратно он все-таки не стал, ибо сворачивать домой с пол пути на рыбалку это от лукавого. Задумка же у военрука была просто шик! Она была не только так же проста и гениальна, как все что придумывают русские, но еще и столь же опасна. Во всех смыслах.

В общем, военрук решил пошалить по-взрослому. Так сказать, без трусов. В переносном значении, конечно. При этом удочек, лески, крючков и прочих там катушек-червячков, что обычно используются рыболовами, у него, как и у доктора, тоже не было и в помине. Зато у него был неограниченный доступ к аммиачной селитре, которой он мог угощаться сколько душа пожелает. Поняли уже, наверное, да?

Вот-вот. Зачем, решил он, сидеть на бережку и таращиться на поплавок в ожидании пока у рыбехи совесть проснется, когда можно разобраться с этими плавучими бестиями по-мужски. Раз и навсегда показать им кто на самом деле вершина эволюции и последнее звено в пищевой цепи. Мол, человеку разумному, к которым он себя, безусловно причислял, не пристало зависеть от настроений и желаний рыбы, и если человек хочет, должен взять у природы свое.

– А на кой тогда ляд нам блага цивилизации? – завершил он изложение своей теории доктору с ведром. – Уж явно не для того чтобы какие-то там рыбы решали за нас, принесем мы сегодня домой своим женам мамонта или нет, или что у нас будет на ужин!

– Какого такого мамонта? – на всякий случай уточнил доктор. Он еще дома заметил, что военрук хотя и успел уже с утра причаститься к огненной самогонной водице, но при этом был косым не более чем всегда, так что бредить вроде бы как не должен.

– Я образно, – заверил его школьный учитель и поправил лямки рюкзака, где хранилась селитра. – Про мамонта это я так, чтобы подчеркнуть нашу мужскую долю добытчиков пищи.

– Понятно, – вздохнул доктор, привыкший добывать пищу в магазине, и не без опаски покосившись на рюкзак со взрывчаткой.

В общем, долго ли, коротко ли, но за этими высокими рассуждениями о нелегком мужском жребии, наши герои вышли за пределы села и по топкой дорожке учвакали от него уже на пару километров, когда повстречали грустного мужичка, сидящего на заборе и самозабвенно попыхивающего папироской. Ну, сидит и сидит на заборе мужик, мало ли. Может любовь у него, а может жена из дому за пьянку выгнала, может встречает кого, а может и просто так присел покурить. Мужичья доля она такая, вариантов много. И уже хотели наши герои его миновать, мимо пробраться, но он их остановил.

– Вы лучше по этой дороге не ходите, не стоит оно того, – философски изрек мужик.

– Это почему? – удивился военрук.

– Видите, – говорит им сидящий на заборе, – во-он там, посреди дороги?

И указывает куда-то.

Ну, рыбаки наши проследили направление его мыслей и действительно узрели прямо посреди дороги нечто любопытное.

– Что это там за красный ящик лежит? – поинтересовался учитель. – Большой такой.

– Да это не ящик, – хохотнул мужик, – это крыша моего трактора. Утоп, зараза. Прямо посреди дороги утоп.

– И... что теперь? – спросил доктор. Он, в отличии от своих собеседников, вырос в совершенно другой местности и лишь второй год по распределению отработывал в селе, поэтому всех местных обычаев пока еще не знал. – Вытягивать будут?

Тракторист, ставший пешеходом, искренне рассмеялся.

– Вытянуть тут не получится, – вещал он сквозь смех, продолжая дымить своей самокруткой. – Дорогу-то вон как развезло. Так что, если мы даже бревна под гусеницы тягачу под-

ложим, то, как пить дать, утопнут и бревна и, чего доброго, сам тягач. Не-е, брат, мы это уже проходили. Больше нам такого счастья не надо. Но ничего страшного, – философски заключил он, видя выражение полнейшего непонимания на лице доктора, – весной-то мы его все равно откопаем.

– Только весной? – удивился доктор. – А зимой что, так и будет здесь?

– Ну да. А куда он денется, родненький? Перезимует, – махнул рукой тракторист, – ничего ему не сделается.

И, достав новую папироску, мужичок продолжил свой внеплановый перекур все так же сидя на заборе и созерцая уже еле заметную красную крышу своего транспортного средства. Герои же наши двинулись дальше, правда, уже не по дороге, а параллельно ей, чтобы тоже, чем черт не шутит, не утонуть в ней до весны.

Вскоре они свернули с «дороги» на бездорожье, вглубь лесополосы, и тогда пошли немного быстрее. Все как-никак твердая земля под ногами, пусть и заросшая кустами да заваленная кое-где стволами деревьев, но проходима и уже не чвакающая как болото.

По дороге военрук с упоением рассказывал о том электродетонаторе, который он буквально вчера вечером смастерил своими очумелыми ручками при помощи проводков и батареек.

– Вот увидишь как бабахнет! – многообещающе хвастался он. – Шашка должна получиться что надо!

Доктор же отвечал ему что-то в том смысле, что ждет не дождется, хотя мысленно и ругал себя, еще такого молодого, у которого вся жизнь еще впереди, что он вообще согласился участвовать в этом браконьерстве. Бабахнет она! Вот радость-то! С ума можно сойти! Но отступить было уже поздно и как-то несолидно. Не по-мужски это, отступить-то. Поэтому, отодвигая ведром лезущие в лицо ветви, доктор, нутром чувствуя что добром это не кончится, все же шаг за шагом продолжал неумолимо приближаться к месту грядущей рыбалки.

И вот они на месте. А место это и впрямь оказалось озерцом средней паршивости, маленьким, да к тому же, как и обещал военрук, густо заросшим со всех сторон камышом. И вдобавок еще чрезвычайно богатым на комаров и прочий богоугодный гнус. Райское местечко.

Ну, нашли они себе ямку в нескольких метрах от условного берега, рядом с какой-то корягой, и там расположились. Военрук снял, наконец, свой рюкзак, расстелил под ногами прямо на земле газетку, придавив ее по углам камушками чтобы ветром не сдуло, и стал извлекать на свет свои боезапасы. Доктор с гремучей смесью интереса и опасений наблюдал как на агитационную газетку какого-то кандидата в депутаты ложатся пустая бутылка из-под лимонада, детонатор с мотком проводов и, наконец, гвоздь программы – литровая банка с белым сыпучим содержимым.

– Это селитра? – поинтересовался он, первый раз в жизни наблюдая взрывчатку так близко.

– Аммонал, – гордо поведал ему военрук. – Смесью аммониевой селитры и алюминиевой пыли. Сам вчера, вот этими самыми руками, полдня столовые ложки напильником стачивал. Так что за качество отвечаю головой.

– А вот этого не надо, – искренне попросил доктор. – На черта мне твоя качественно оторванная голова. Куда я ее дену?

– Чего-чего? – не понял военрук.

– Да ничего. Давай, говорю, собирай уже свою шашку. Только осторожнее, прошу...

Глядя, как военрук упоенно возится с проводами, доктору вдруг вспомнилась одна из повестей братьев Стругацких, которую он читал еще в институте. В той книге люди придумали убивать себя довольно-таки оригинальным образом: они вынимали одну деталь из радиоприемника и вставляли вместо нее какой-то вакуумный тубусоид, который называли «слогом», затем, включив радио, ложились в теплую ванну и, наглотаившись противомоскитных

таблеток, ловили кайф. По сюжету ощущения у них при этом были настолько захватывающими, что сложно было бороться с искушением вновь и вновь вставлять «слег» в приемник и ложиться в ванну, чем люди, собственно, и занимались, вплоть до смерти от нервного истощения. Загвоздка была в том, что «слег» этот был копеечной деталью, которую любой человек мог купить в магазине в любом количестве, поэтому остановить этот вид зависимости и волну связанных с ней смертей можно было лишь изменив мировоззрение людей, а никак не облавами и арестами курьеров, как было раньше, с наркотиками. Вот и теперь, думал доктор, любой оболтус может купить ингредиенты для бомбы и благодаря размещенным кем-то инструкциям в Интернете, сделать самопал. И облавами тут тоже ничего толком не изменить. Ведь и отдельные ингредиенты и провода и батарейки и даже Интернет со своими зачастую деструктивными сайтами (которые почему-то общедоступны!) легальны и доступны каждому. Вот и творится черт знает что. И будет так до тех пор, пока мировоззрение людей не разовьется настолько, что они больше просто не захотят делать взрывчатку. То есть, пока его не разовьют...

Из этих мыслей о счастливом и справедливом будущем человечества военрук вывел его вопросом:

– Как думаешь, полную бутылку напихивать или ну его нафиг?

Доктор, округлив глаза и еще цепляясь краем сознания за высшие материи, пару секунд молчал, а потом высказал предположение что нафиг они вообще тут что-то взрывают. Но военрук был тверд в своих намерениях добыть, как он говорил, мамонта на ужин, и сомневался только в необходимом для этого количестве аммонала.

– Давай полную, а? – предлагал он. – Ну, что б уж рыб наверняка пробрало.

– Даже не вздумай! Насыпь на доньшко, пальца на два, и будет тебе, – категорически настаивал доктор.

– Ну-у, что это? – уже чуть не обижаясь, вздыхал военрук. – На два пальца мы только лягушек насмешим. А нам же нужно рыбу глушануть. Нужно что бы до дна достало.

В общем, спор двух профанов, одинаково понимающих толк в рыбалке и во взрывном деле, окончился компромиссом, неприятном для обоих, но, тем не менее, вполне логичным. Как им казалось тогда. И военрук, скрипя сердце, вынужден был высыпать часть взрывчатки обратно в банку, оставив в лимонадной бутылке лишь половину.

– И то много, – качал головой доктор, начиная уже заметно нервничать. – Отсыпь еще.

– Да и так уже высыпал больше чем надо, – огрызнулся военрук, глядя на полупустую бутылку, в которую уходили провода. – И так уже не шашка, а взрывпакет получился. Пол бутылки. Смех один! Да так мы только комаров пуганем и все. Эх! Напарничка я с собой взял, блин.

– Надо было не брать, – резонно согласился с ним доктор.

– Да, надо было, – яростно кивал головой школьный учитель, разматывая провод чтобы удобнее было кидать.

Размотал. Закупорил бутылку пробкой, плотно прижавшей к горлышку уходящие вглубь провода. Проверил чтобы оголенные от изоляции концы проводов утопали в аммонале. Остался доволен. Все, вроде бы, утопает как надо, и все, кажется, получилось герметично. Должно сработать. По крайней мере, все сделано точно по инструкции, и только о том, сколько в действительности нужно класть аммонала, военрук запомнил. Ну, или не обратил внимания когда читал, что тоже возможно, по привычке решив все делать на глаз, или, как говорят повара, по вкусу. Аммонала насыпьте по вкусу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.